

5. Петров А.М. Великий шелковый путь: О самом простом, но мало известном. – М.: Изд. фирма “Вост. лит.” РАН, 1995. – 127 с.
6. Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии. – М.: ИДВ РАН, 2005. – 205 с.
7. Сывэнь Хэдин. Путешествие по странам Азии. – Пекин.: Изд-во Пекинского университета, 2003. – 356 с.

УДК 94.(3).(063)

Николаева Н.А.

Московский государственный областной университет

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И КАВКАЗ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В СЕРЕДИНЕ III ТЫС. ДО Н. Э.
(ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ «КОНЕГОЛОВЫХ» СКИПЕТРОВ)***

N. Nikolaeva

Moscow State Regional University

SOUTH-EASTERN EUROPE AND THE CAUCASUS: «HORSE-HEADED» SCEPTERS AND HISTORICAL CONNECTIONS IN THE MIDDLE OF III MILL. BC.

Аннотация. В статье публикуются новые материалы (Джангр 1/3, Калмыкия) по «конеголовым» скипетрам III тыс. до н.э. Автор показывает, что декларируемого в тематической литературе разрыва между датами предмайкопских и доямных памятников со скипетрами по балканской и переднеазиатской линии синхронизации не существует. Их следует датировать переходом от Триполья С1/С2, что в абсолютных некалиброванных датах – 25/24 вв. до н.э. Дата Большого Майкопского кургана, от которого нельзя отрывать предмайкопские поселения (конец Раннединастического III – начало Аккадского периода (24 в. до н.э.), является верхней границей для скипетров Джангра и Ясеновой поляны, поэтому по ближневосточной линии синхронизации конец всего домайкопско-доямного горизонта определяется тем же временем.

Ключевые слова: энеолит, зооморфные скипетры, курганы, Гумельница, Кукутень-Триполье, Хвалыньск, Средний Стог II, индоевропейские миграции.

Abstract. Pre-Maikop monuments in the Northern Caucasus (Svobodnoye on Laba, Yaseneva Polyana) and Pre-Yamnaya monuments (Konstantinovskoye, Sredny Stog) in the Ponto-Caspian steppes belong to the chronological horizon “Boleraz—Chernavoda I – Salcutsa IV – Tripolye C 1”. Its beginning is marked with such stone artifacts as scepters that are commonly regarded as the effigies of horse head. Owing to the fact that these scepters were discovered in closed burial assemblages (Dzhanghar in the North-Western Caspian region) they cannot be dated earlier than the phase of Sredny Stog II culture and the end of the phase Tripolye C 1. The formation of this horizon is connected with the transition of some communities of the north of the Central Europe to the pastoral cattle breeding and the migration of these pastoral tribes (probably the Tocharians) in the direction to the Caucasus through the agricultural settlements of such cultures as Gumelnitsa, Cucuteni-Tripolye that caused disappearance of Gumelnitsa. The date of Maykop culture on the base of the analogies from Early Dynastic III period in Mesopotamia in 24 – 23 BC, is terminus ante quem for these scepters and for the horizon as a whole.

Key words: stone «horse-headed» scepters, domestication of horse, beginning of the pastoral cattle breeding in Europe, Maikop, Sredny Stog II, Eneolithic period, Indo-European migrations.

¹ © Николаева Н.А.

За последние 25-30 лет в археологии возникла новая картина культурно-исторического развития Предкавказья и Северного Кавказа в III – II тыс. до н. э. В соответствии с принципом дивергенции среди исследователей обозначилась, к нашему удовлетворению, тенденция дробить крупные гетерогенные культурные образования, такие как майкопско-новосвободненская, древнеямная, северокавказская культурно-исторические общности, выявлять их структуру и происхождение составляющих компонентов [5; 15; 19; 20; 21; 22; 35; 36; 37]. Это было отмечено как тревожный симптом С.Н. Корневским [10; 11], сторонником культурной интеграции и преемственности в истории древнего Северного Кавказа. Дифференцированный подход проявился и в исследованиях культуры поселений так называемого «предмайкопского» горизонта, без которых представления о культурно-исторических процессах на древнем Северном Кавказе были бы неполными [4; 13; 15; 26; 32; 35; 36; 37; 38; 39; 41].

Противоположный процесс происходил в исследовании энеолита степной и лесостепной части Восточной Европы. В отличие от концепции В.Н. Даниленко, рассматривавшего дифференцированно культуры степного энеолита и отмечавшего, что гомогенной ямной культуры или культурно-исторической общности не существует [7, 30], были сформулированы гипотезы о единстве развития лесостепного неолита и энеолита Восточной Европы от Поднепровья до Поволжья, которое выражается в преемственности от мариупольско-самарской культурно-исторической общности к среднестоговско-хвалынской [1; 2; 3; 14; 32; 33] и сложении на этой местной основе ямной культурно-исторической общности [2; 3; 41].

В.Н. Даниленко первым высказал плодотворную мысль об азово-черноморской линии развития энеолита Восточной Европы, которая характеризуется распространением *зооморфных скипетров* с востока на запад. По другой терминологии эта линия развития известна теперь как новоданиловская куль-

турная группа, отличная от среднестоговской культуры [24; 32], или как скелянская культура, объединяющая новоданиловские памятники и скелянский этап среднестоговской культуры [32; 33; 43].

Памятники доямного и предмайкопского горизонтов впервые рассмотрел в рамках одного явления В.А. Сафронов в 1989 г. (рис. 5). Общий элемент в памятниках этих двух регионов ученый усматривал в присутствии *зооморфных каменных скипетров, изображающих голову лошади*. Он связал их с продвижением уже дезинтегрированных индоевропейских групп из районов Центральной Европы на восток до Поволжья и Северного Кавказа и датировал эту миграцию этапом Триполья В2/С1 [26, Рис.52]. Одновременно была выдвинута и концепция Д.Я. Телегина – Дж. Мэллори о праиндоевропейской атрибуции культуры Средний Стог II и миграции ее с востока на запад [42], что привело к прекращению жизни на неиндоевропейских поселениях Гумельница-Криводол-Сэлкуца III и появлению там «степного переходного горизонта» Сэлкуца IV–Чернавода I [24; 34]. Ранее о праиндоевропейской атрибуции этого горизонта памятников писали М. Гимбутас и В.Н. Даниленко [6; 7], считая разрушителями земледельческой цивилизации Старой Европы праиндоевропейские племена ямной культуры. Таким образом, Дж. Мэллори выступает как приверженец двух гипотез – концепции М. Гимбутас и Д.Я. Телегина. Наряду с этим была выдвинута и альтернативная гипотеза формирования древнеямной культуры и индоиранской атрибуции ее древнейшей фазы [26]. В.А. Сафронов указал, что курган и «классический» древнеямный погребальный обряд (положение скелета на спине с поставленными на стопы ногами, распавшимися ромбом, восточная ориентировка) появился из районов Прикарпатья, где этот обряд датируется периодом Триполье В1/В2 [26, 201-202].

Далее следует рассмотреть ряд проблем, связанных с новоданиловскими памятниками и со скипетрами, поскольку дискуссия по этим вопросам еще не закончена.

Погребения новоданиловской группы фиксируют появление курганов на юге Восточной Европы, поскольку они бывают и грунтовыми, и впускными в холмы, и подкурганными [2; 8; 32; 33]. В то же время хвалынско-среднепестовские погребения, которые связываются с новоданиловской группой, являются бескурганскими, что указывает на различие погребальных традиций Среднего Стога II и новоданиловской группы. Этот факт свидетельствует о появлении курганной практики в Северном Причерноморье через посредство не «новоданиловцев», а благодаря движению носителей курганного «древнеямного обряда».

Для памятников новоданиловской группы отмечается обряд погребения «скорчено на спине с согнутыми ногами», который наряду с курганами является характерным признаком и древнеямной культуры. Поскольку древнейший подкурганский «древнеямный» обряд отмечен в Северном Попрутье (Думяны 15/ц) [26, 201], это может свидетельствовать практически о синхронности и параллельности движения «владеющих скипетрами» и строителей курганов. Следует также обращать внимание на детали и различия в обряде погребения: в обряде погребения хвалынско-среднепестовской общности ноги подогнуты к тазу, а в ранних древнеямных погребениях стопы ног фиксируются далеко от тазовых костей.

Немногочисленная керамика новоданиловских погребений представлена сосудами амфоровидной формы с высокой цилиндрической горловиной или кубковидной формы с воронковидной горловиной, которые имеют округлое, заостренное или шиповидное дно. Орнамент на такой керамике включает либо сосцевидные, либо круглые налесты [2; 32]. Такая керамика не характерна для хвалынско-среднепестовской культурно-исторической общности. Однако в среднепестовских слоях поселений от Днепра до Дона (Стрильча Скеля, Александрия, Константиновское, Раздорское) встречается керамика, украшенная так называемым накольчато-жемчужным орнаментом, что характерно

для предмайкопского горизонта памятников на Северном Кавказе. Подобная орнаментация наряду с формами позволяет провести параллели между новоданиловскими, среднепестовскими и предмайкопскими памятниками, что может продвинуть и решение вопроса о происхождении новоданиловских памятников и керамики с накольчато-жемчужной орнаментацией (далее – НЖК) [10; 11: 12: 23; 1; 31]. Следует отметить, что среди энеолитических культур Центральной Европы орнаментация шишечками встречается в широком диапазоне и фиксируется как на поздненеандертальских поселениях, так и на поселениях полгарских культур. Сосцевидные заостренные налесты также встречены на амфорке Триполья С 1 в комплексе с чернолощеным плоскодонным кубком в подкурганном погребении (Думяны 13/п). Сосуды с шиповидными донцами характерны для неолита северо-запада Восточной Европы (нарвская керамика).

Инвентарь новоданиловских погребений определяется устойчивым сочетанием длинных ножевидных кремневых пластин, трапециевидных кремневых топоров, стрел и дротиков, что характеризует ее как особо архаическую неолитическую группу. Это, в свою очередь, не согласуется с портретом праиндоевропейской цивилизации по данным языка, более адекватным эквивалентом которой является культура Винча и ее производные (Гумельница. Кукутень-Триполье) [26], чем Средний Стог, Новоданиловка и ямная культура.

С этим инвентарем в новоданиловской группе найдены скипетры – уникальные предметы из камня (порфирита, диорита, диабазы). Эти находки очертили круг таких проблем, как культурная атрибуция скипетров, их происхождение и датировка, которые до сих пор нельзя считать решенными. Подобные артефакты называются «конеголовыми» или зооморфными скипетрами, поскольку после длительных размышлений над функцией и семантикой этих предметов (гиппопотам, медведь, кабан, собака) [8] исследователи пришли к мнению, что скипетры

– это изображение головы лошади в камне. В концепции М. Гимбутас, а затем Телегина – Мэллори лошадь считается главным признаком культуры праиндоевропейцев. Решение проблемы локализации индоевропейской прародины свелось к поиску древнейшей археологической культуры, где зафиксированы кости лошади. Такой культурой стала культура Средний Стог II, распространенная от Днепра до Дона, которая и была признана сторонниками «степной концепции» в качестве праиндоевропейской.

Зооморфные скипетры существуют в двух вариантах: схематические и реалистические скипетры. Картографирование находок свидетельствует об их культурном единстве [8, 95; 32, Рис. 3], хотя они занимают разные ареалы и стилистически отличны друг от друга. Реалистические скипетры встречаются в подавляющем большинстве на западе их ареала, а схематические – и на западе, и на востоке, причем схематические экземпляры (Обиршени, Могошешти) зафиксированы в области древнейшего курганного и классического древнеямынского обряда (Попрутье, Думяны).

Реалистические скипетры встречаются в Балкано-Дунайском регионе (Югославии, Болгарии, Румынии), на поселениях трех земледельческих культур Гумельница, Кукутени-Триполье, где они являются случайными находками и чужеродным явлением, а также в горизонте Сэлкуца IV –Чернавода 1. Реалистические скипетры дважды зафиксированы в погребениях названной новоданиловской группы (Суворово, Касимчи – рис. 3) [8, 71-100]. Один реалистический скипетр найден в Предкавказье (Терекли-Мектеб). Таким образом, обстоятельства находок скипетров на западе их ареала не проливают свет на их происхождение и принадлежность к известным неолитическим группам и культурам Центральной Европы, поскольку они не сопровождаются керамикой.

Схематические скипетры отмечены в двух погребениях на востоке ареала – в Архаринском могильнике около Элисты и в Саратовском Поволжье (хут. Шляховской – рис. 2), которые Д.Я. Телегин [32] отнес к новодани-

ловской группе, а также на поселениях предмайкопского горизонта (Ясенева Поляна) в Закубанье и на поселении среднестоговско-хвалынского времени с предмайкопским комплексом в Нижнем Подонье Константиновском (рис. 4). Незначительная мощность слоя этих поселений допускает возможность датировать находки временем всего слоя поселения, т. е. концом Среднего Стога II и временем появления майкопской культуры, сосуды которой встречаются и на предмайкопских поселениях [9].

О хронологии поселений предмайкопского горизонта, характерным признаком которых является керамика с накольчато-жемчужной орнаментацией, соотношении культуры предмайкопской энеолитической культуры с майкопской и новосвободненской культурой высказались практически все исследователи Северного Кавказа эпохи энеолита-бронзы, датируя их в пределах IV тыс. до н. э. или периодом Триполье В 1, однако их доводы противоречивы.

А.А. Формозов считал, что впервые открытые им, А.Д. Столяром, П.А. Дитлером и А.П. Руничем в 1957-1964 гг. энеолитические поселения являются «бытовыми памятниками майкопской культуры» [38, 44]. Он связал нижний слой Мешоко с Большим Майкопским курганом, а Хаджох – с Новосвободной. Между ними он поместил памятники Ясенева поляна (с находкой скипетра) и Скала [38, 44-53]. Не изменил он своей точки зрения даже после новых открытий (поселение Свободное). Он считал, что сходство этих поселений с трипольскими весьма относительно и присоединялся к ранней датировке Майкопа.

А.А. Нехаев, открывший поселение Свободное около Усть-Лабинска, считал все поселения предгорной зоны Северо-Западного Кавказа домайкопскими по времени, образующими единую закубанскую энеолитическую культуру. Он датировал три ступени развития этой культуры в соответствии с трипольско-балканской шкалой синхронизации. По схеме А.А. Нехаева, к ранней ступени относятся поселения Свободное и Хвалынская

культура, датируемые периодом Триполья А2/В1. Средняя ступень (поселения Замок, Мешоко, Ясенова Поляна) датировались им Трипольем В1. Поздняя ступень (Ахметовское, Скала, Веселый, верхний слой Мешоко) соотносилась с периодом Триполья В 2, а майкопская культура и поселение Репин хутор предьямного горизонта сопоставлялись им с периодом Триполья С 1 [15, 82-83]. Следует подчеркнуть, что никаких трипольских импортов на поселениях предмайкопского времени А.А. Нехаев не приводил. Учитывая, что длительность периодов Триполья А2 – В2/С1 более 500 лет, трудно представить, чтобы предмайкопские поселения с их незначительным слоем существовали столь долгое время.

С.Н. Корневский [10; 11; 12], разобрав вопрос с хронологией и структурой поселений с НЖК, оставляет их за пределами майкопской культуры в связи с открытием, по его мнению, собственно майкопских поселений, но в последней монографии все-таки включает их в майкопско-новосвободненскую общность [10].

В 1991 году А.Н. Гей [4, 31-34] считал, что поселения предмайкопского горизонта Свободное, Мешоко, Агубеково, Нальчикский могильник, а также Раздорское и Самсоновское на Нижнем Дону должны быть сопоставлены не с дольменами Новосвободной, а с Большим Майкопским курганом и являются местной основой майкопской культуры. Однако на наш взгляд, «местная основа майкопской культуры» – это реминесценция устаревшей концепции 1960-х гг. об автохтонности майкопской культуры. В этом аспекте мнение А.Н. Гей, по сути, совпадает с взглядами С.Н. Корневского, хотя последний считает Майкоп и Новосвободную связанными генетически, а А.Н. Гей является теперь убежденным сторонником разного происхождения двух групп памятников [5].

А.Д. Резепкин [22] предлагает другую схему синхронизации энеолита Восточной Европы и Кавказа. Он отмечает, что, согласно новой доктрине украинских археологов, начало памятников типа «Михайловка, нижний

слой» (равносильно и майкопской культуры – Н.Н.) синхронно Триполью В 2. Памятники новоданиловского типа относятся же к Триполью В 1. К этому же горизонту относятся 1 группа подкурганых погребений на Нижнем Дону (поселение Константиновское – Н.Н.) [9] и 5-я группа энеолитических погребений на Кубани [34, 71-72]. Вся свита памятников энеолитической закубанской культуры синхронна в большей части новоданиловским памятникам, т. е. Триполью В 1 [15]. На основании находки скипетра в Ясеновой поляне, который имеет аналогии и на западе ареала (Суворово) и на востоке (Архара), весь горизонт скипетров датируется также Трипольем В1. По мнению А.Д. Резепкина, дольмены Новосвободной не могут быть раньше Триполья В 2, поскольку блок ранней культуры воронковидных памятников (КВК), от которой, по его мнению, произошла Новосвободная, датируется Трипольем В 1. Совместное присутствие майкопской и новосвободненской культур на Серегинском поселении является основанием говорить о синхронности двух этих культур. По Резепкину, новосвободненские памятники второго (майкопского) этапа датируются Трипольем С 1, и Новосвободная продолжает существовать до конца Триполья С 2. В другой работе Резепкин [23, 223-235] разделяет предмайкопский горизонт и относит к майкопской культуре стоянку Хаджох, а поселения Ясенова Поляна и Скала – к домайкопским. Таким образом, исследователь выделяет в предмайкопском горизонте компонент, генетически связанный с майкопской культурой, и инокультурный компонент, хронологически сосуществующий с майкопской культурой, поэтому памятники новоданиловского типа существуют, по Резепкину, и на этапе Триполья С 1.

Несмотря на дискуссии в течение последних 20-ти лет о месте предмайкопского горизонта и хронологическом соотношении домайкопских, майкопских и новосвободненских памятников с памятниками доямного горизонта Черноморо-Каспийского региона, консенсуса по этому вопросу пока нет.

Следует отметить, что поселение Констан-

тиновское-на-Дону, привлекаемое в качестве ближайшей аналогии поселению Свободное, – однослойное (мощность слоя 0.3-0.4 м) и включает в себя как элементы хвалынского-среднестоговской КИО, новоданиловской группы, так и компоненты предмайкопских поселений, «майкопскую» керамику и очажные подставки, что может в равной степени служить и аналогией майкопским поселениям. Это обстоятельство не позволяет, с одной стороны, считать, что поселения предмайкопского горизонта, майкопской и новосвободненской культур существовали в течение тысячи лет (как следует из датировок Резепкина, Корневского, Трифонова, Рассамакина и др.), а с другой стороны, показывает, что Константиновское поселение не является опорным памятником для разрешения этих противоречий. Поселения предмайкопского горизонта не дают однозначного ответа на вопрос о датировке скипетров.

Вопрос датировки зооморфных скипетров остается открытым. Находки скипетров в новоданиловских памятниках определяют в широком интервале от Триполья А2/А3 до Триполья С включительно. Численность новоданиловской группы невелика (около 30 погребений), а следовательно, она занимает незначительный период времени на шкале хронологии [2; 8; 32], поэтому интервал бытования скипетров в новоданиловских памятниках должен быть сокращен. Судя по совершенно идентичным скипетрам из Могошести, Обиршени на западе ареала, из Джангра и Архары на востоке ареала, перемещения населения «со скипетрами», по нашему мнению, происходили быстро, на протяжении жизни максимум одного поколения, а не в течение тысячелетия, как это следует из принятого хронологического интервала для скипетров [8].

История исследования вопроса показывает, что порочным является способ расширенной датировки находок скипетров на поселениях культур Кукутени-Триполье и Гумельницы. Первоначально датировка скипетров определялась предусатовским временем (Берчу, Гарашанин). Однако находки

скипетров на более ранних поселениях трипольской культуры (Березовская ГЭС = Сабатиновка 1, Верхние Жоры и Обиршень) заставили исследователей удревить даты скипетров в пределах периода Триполья В 1 [8]. В этой связи необходимо определиться с подходом к датированию находок на поверхности слоя поселения. Чужеродный предмет, не связанный с культурой этого поселения, не должен датироваться всем временем существования поселения.

«Владеющие скипетрами» не связаны с периодом накопления слоя разрушенных ими поселений, и их скипетры должны датироваться только концом существования этих поселений. Другими словами, время скипетров, по нашему мнению, должно определяться не всем периодом накопления культурного слоя поселения исчезнувших культур, а началом следующего культурного горизонта, принадлежащего уже создателям этих скипетров. Так, если даже скипетры находят в слоях Гумельницы, Криводол-Сэлкуца III, Кукутень-Триполья В 1, то датировать их надо следующим слоем – Сэлкуца IV – Кукутень В – Триполье В2/С1 и т. д.

Направление распространения скипетров с востока на запад ошибочно, поскольку основывается на неверном допущении, что форма скипетров может эволюционировать только от простой формы к сложной, реалистической. На этом основании схематические и, тем более, абстрактные скипетры были признаны более древними, а реалистические – более поздними. Это считалось М. Гимбутас, В.Н. Даниленко, Д.Я. Телегиным и Дж. Мэллори и другими базовым доказательством распространения скипетров, а также и праиндоевропейцев с востока на запад.

Неправильная методика датирования скипетров и необоснованное историческое допущение о вторжении степных племен с востока на запад породили представление о хронологических расхождениях балканской и передневожосточной линий синхронизации и, следовательно, мнение о невозможности использования дат западной линии синхронизации для памятников Кавказа [10; 11].

Однако обнаружение скипетров того же типа в Нижнем Подонье на поселении Константиновское [9] и на стоянке Ясенова Поляна в Закубанье (Рис. 4), а также совершенно одинаковых скипетров в Архаринском могильнике [36], в музее Владикавказа, двух подобных скипетров в Саратовском Поволжье (рис. 2), в Ростове-на-Дону (рис. 4) и в Джангре в Северо-Западном Прикаспии (рис. 1) открывает не только возможности коррекции дат скипетров в восточной части их ареала, но и объединяет проблему культурной атрибуции доямных памятников Черноморско-Каспийского региона и домайкопских поселений в западной части Северного Кавказа и свидетельствует о том, что «владеющие скипетрами» вписали свою страницу в древнюю историю Северного Кавказа.

Культурная атрибуция погребений со скипетрами, как и всей так называемой новоданиловской группы, неопределенна. Скипетры найдены до настоящего времени только в двух полноценных комплексах, правда, без керамического сопровождения. Этими комплексами являются Касимча, Архара 27/1-3. Обнаружение нами в кургане у с. Джангр в Северо-Западном Прикаспии (республика Калмыкия) в холмо-курганном погребении каменного схематического «конеголового» скипетра имеет важное значение, поскольку стратиграфия и состав комплекса расширяет возможности сравнительно-исторического анализа, а следовательно, и датировки скипетров.

Курган, где был обнаружен скипетр, имел высоту 1,8 м до древней дневной поверхности и диаметр – 27 м [43]. Основная стратиграфическая картина была зафиксирована в двух бровках: бровке 0, проходящей через условный центр кургана, и в бровке 2 (первой к востоку от бровки 0). В бровках прослеживались 5 слоев. Самый нижний слой V – суглинок зелено-кричного пятнистого цвета из дерна и коричневых почвенных слоев, имел мощность 0,6 м. Он представлял собой сформованный в виде холма выкид от погребения 1/3 на незначительном поднятии древней дневной поверхности (0,3 м). В кур-

гане обнаружено 8 могил, но для решения задач данной статьи представляют интерес только три могилы. Основанием для установления последовательности могил является стратиграфия слоев, выкидов от могил 1/8 и 1/6 и прямая стратиграфия погребений 1/3, 1/8, 1/6.

Могильное пятно 1/3 со скипетром не прослеживалось в плане, в бровке и в насыпи над ним, что указывает на его абсолютную древность и предшествование погребению 1/8 со среднестоговским сосудом, выкид от которого лежал на поле слоя, насыпанного над могилой 1/3. Ближе ко дну пятно 1/3 принимало форму прямоугольника. Вокруг этого пятна не было материкового выкида. Могила 1/3 вплотную подходила и входила в бровку, однако с противоположной восточной стороны бровки 2 столба заполнения могилы также не было видно, но на уровне дна могилы 1/3 в траншее, на участке, примыкающем к бровке, была обнаружена россыпь кремневых отщепов и сосуд. Этот участок был продолжением могилы 1/3, а сосуд относился к могиле 1/3. Слой V надо рассматривать как насыпь, сооруженную из выкида от могилы 1/3, впущенной в небольшое возвышение на абсолютно горизонтальной поверхности. Следующим по времени было впускное в полу слоя V погребение 1/8 с сосудом. От него сохранился небольшой выкид на южном склоне насыпи в бровке 2 с восточной стороны над могилой 1/3. Третьим было погребение 1/6 с колесом (новотитаровский вариант кубано-днепровской культуры), разрушившее южную полу слоя V и погребение 1/8.

Могила Джангр 1/3 (1,80x0,87x1,45 м) содержала погребение мужчины 40 лет (антропологически представитель палеоевропеоидного типа). Он лежал на спине, головой на восток. Ноги были подняты коленями вверх и упали направо на останец земли, из чего следует, что над могилой существовало перекрытие, или останец земли не извлекался из могилы. Правая рука вытянута, левая согнута и лежит на бедре. По внешним признакам (по положению скелета, размерам могилы и типу черепа) погребение идентично знаме-

нито му подкурганному «древнеявному» погребению Бережновка 5/22, относящемуся, по нашему мнению, к хвалынской культуре, а по времени – к концу ее существования.

Инвентарь состоял из 78 предметов: 11-крупных и 67 – мелких. Под левым крылом таза лежал каменный скипетр из порфирита или диабазы (длина – 19,9 см). У правого плеча лежал кремневый нож (длина – 15,7 см). У правой лучевой кости лежал кремневый клиновидный топор из коричневого кремня (длина – 13,7 см). Кремневые стрелы из молочно-серого кремня имели форму треугольника длиной 4,3 и 3,8 см. Между ребрами и правым локтем находились три четырехгранных каменных столбика с желобком, как бы отделявшим «головную часть» идолов. Один из идолов был сделан из полупрозрачного желтого минерала. Два других – из молочно-серого камня с пятнами (рис. 1).

Скипетр полностью повторял очертания схематических скипетров – случайных находок из Ростовского музея [9], из музеев Владикавказа и Самары, а также из погребения из кургана 27 у с. Архара, погребения из кургана 2 у хутора Шляховского [13]. Ближайшей ему аналогией на западе ареала был скипетр из Могошешти [8]. Состав кремневого инвентаря Джангр 1/3 был аналогичен инвентарю погребений из Касимчи и Шляховского (рис. 1-3). Стратиграфическая ситуация в кургане 1 у с. Джангр напоминает стратиграфию кургана Архара 27/1 – 3.

Сосуд из погребения Джангр 1/8 типологически близок, с одной стороны, сосуду из Архары 27/2 (насечки по венчику и резной орнамент), а с другой стороны, сосуду из среднестоговского/новоданиловского погребения у ст. Цимлянская (хутор Попов) [7, рис. 44:11], поскольку полностью совпадает форма сосудов и орнаментальная композиция, состоящая из последовательности пря-

моугольников с горизонтальными и вертикальными резными линиями. Идолы в форме столбиков находят аналогии в культурах неолита-энеолита Средиземноморья [6, рис. 3:19, 5:9]. Рассматривая вопрос датировки, следует отметить, что скипетр Джангр 1/3 синхронен концу предмайкопского горизонта на Северном Кавказе и относится к концу культуры Средний Стог II, который обычно датируют временем Нижней Михайловки в Поднепровье, горизонтом усатовских памятников в Северо-Западном Причерноморье. Это не исключает того, что по времени предмайкопский горизонт частично синхронен с культурой Большого Майкопского кургана и репинской культурой (Михайловка 2), откуда происходит большое число керамики НЖК [30]. Происхождение скипетров связано с линией развития позднего энеолита территорий Польши, определяемой взаимодействием культуры воронковидных кубков и автохтонных неолитических культур на рубеже IV/III тыс. до н. э. Продуктом этого взаимодействия, по нашему мнению, стали и культура шаровидных амфор, и культура шнуровых керамик, которые, проходя в разных сочетаниях отдельными группами через «трипольский барьер» и оставляя там следы своего присутствия, проникают в Азово-Черноморье, в Предкавказье и на Северо-Западный Кавказ. Эти культурные группы имеют то же происхождение, что и сменяющие их памятники гробниц Новосвободной.

Таким образом, проблемы энеолита Северного Кавказа и Черноморо-Каспийского бассейна, на наш взгляд, связаны в один узел, и датировка майкопской культуры 24 в. до н. э. по переднеазиатским аналогиям соответствует концу горизонта со скипетрами, определяемого по радиоуглеродным C^{14} -датам Михайловки 1, Усатово и других также 24 в. до н. э.

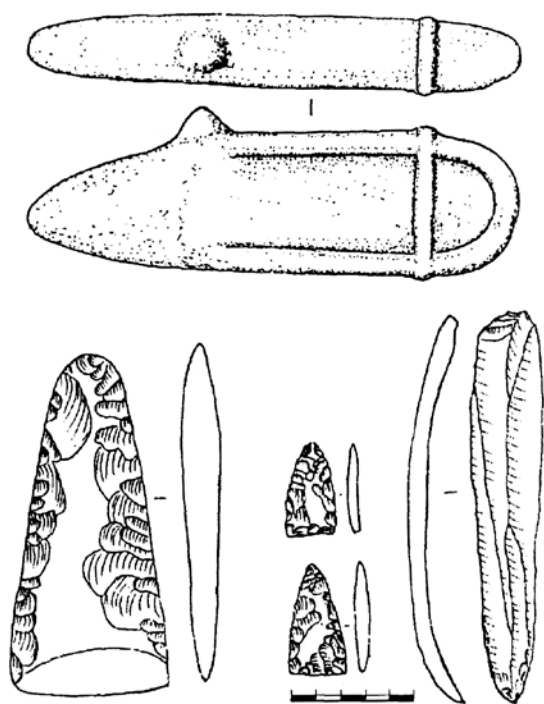


Рис. 1. Предкавказье, северо-восток Калмыкии: Джангр курган 1 погребение 3 (раскопки Н.А. Николаевой, В.А. Сафронова в 1985 году).

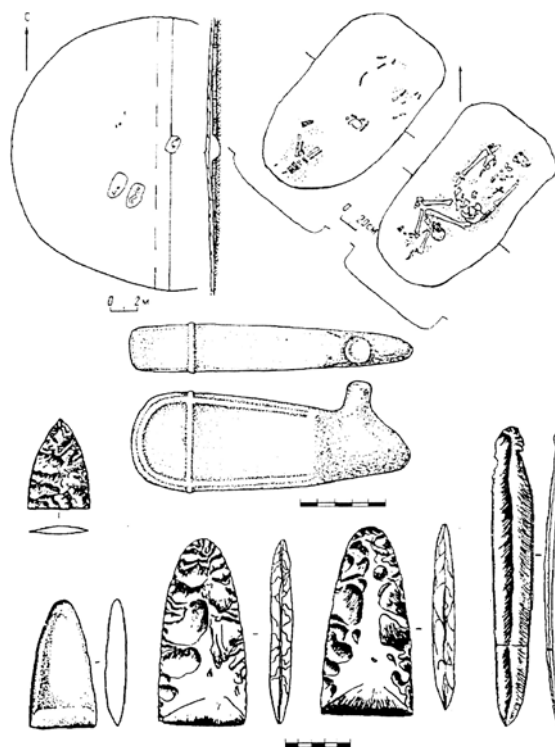


Рис. 2. Саратовская область: хутор Шляховской курган 2, погребение 3 (раскопки Клепикова).

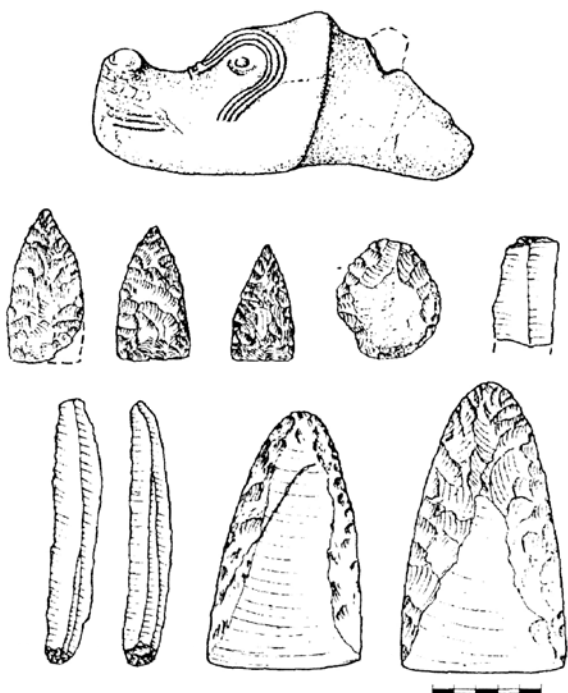


Рис. 3. Румыния: Касимча: инвентарь разрушенного погребения (по В.А. Дергачеву [8])



Рис. 4. Нижнее Подонье: 1 - скипетр из пос. Константиновское (предмайкопский горизонт)

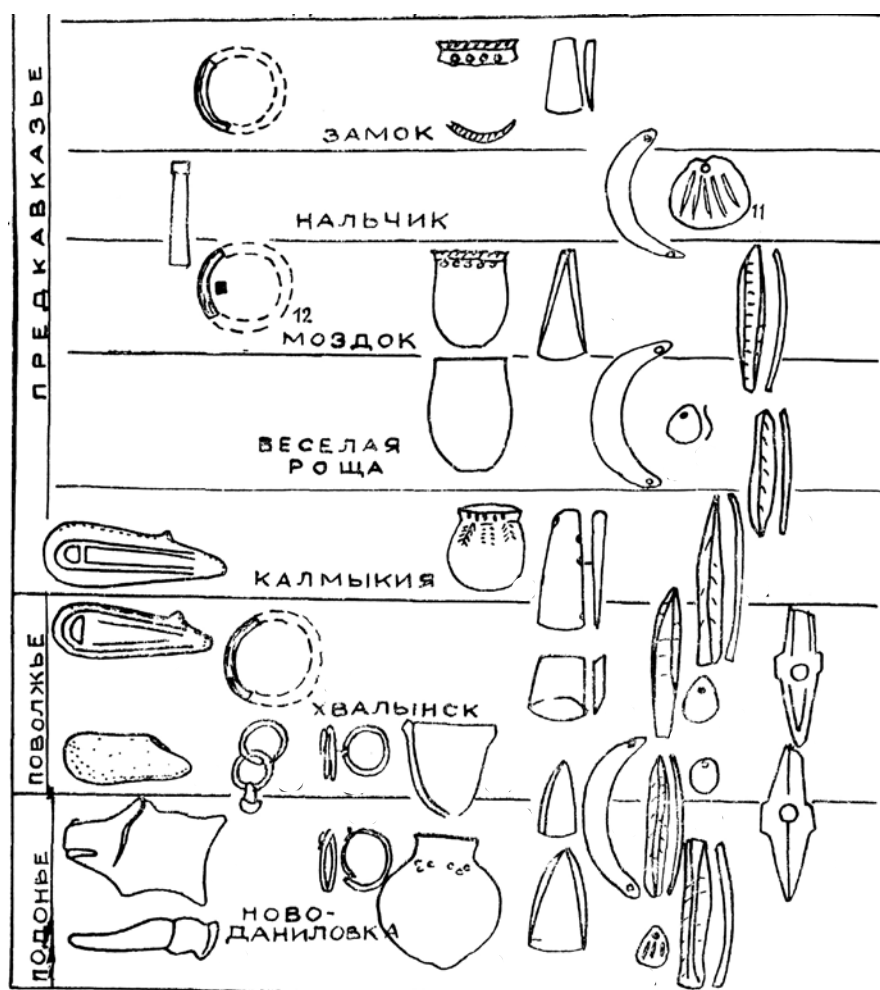


Рис. 5. Доямный и предмайкопский горизонт памятников (по В.А.Сафронову [26])

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов, 1990. 139 с.
2. Археология УССР. – Киев, 1985. – 564 стр.
3. Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. – Куйбышев. 1985. – 117 с.
4. Гей А.Н. Майкопско-новосвободненский феномен в структурном и динамическом аспекте // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Тезисы докладов. – Л. 1991. – С. 31-34.
5. Гей А.Н. Погребальные памятники майкопской культуры в низовьях Кубани // Археология Кавказа и Ближнего Востока. – М., 2008. – С. 177-196.
6. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. – М., 2006. – 570 с.
7. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. – Киев, 1974. 175 с.
8. Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне. – СПб., 2007. – 486 с.
9. Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой // Донские древности. – Ростов-на-Дону. – Вып. 3. – 1994. – 126 с.
10. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – М., 2004. – 241 с.
11. Корневский С.Н. Проблемы изучения памятников эпохи раннего бронзового века Северного Кавказа на современном этапе // XXI Крупновские чтения. – Кисловодск, 2000.
12. Корневский С.Н. Проблемы стадийного соотношений поселений с накольчатой жемчужной керамикой и поселений майкопской культуры // XIX Крупновские чтения. – М., 1996. – С. 90-92.
13. Клепиков В.М. Погребение позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // Российская археология. – № 3. – М., 1994.

14. Моргунова Н.Л. К вопросу о происхождении хвалынской культуры и о формировании хвалынской-среднедонецкой общности // *Индоевропейская история в свете новых исследований*. – М., 2010. – С. 83-93.
15. Нехаев А.А. Домайкопская культура Северного Кавказа. // *Археологические вести*. – СПб., 1992. – Вып. 1. – С. 76-95.
16. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III тыс. до н.э. по данным археологии, лингвистики, мифологии // *Краткие сообщения Института археологии*. – М., 2010. – № 223. – С. 121-143.
17. Николаева Н.А. О концепции четырех прародин индоевропейцев В.А. Сафронова // *Индоевропейская история в свете новых исследований*. М. 2010. С. 58 – 72.
18. Пелещин Н.А. Племена культуры воронковидных сосудов // *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (Энеолит, бронза, раннее железо)*. – Киев, 1990. – С. 35-43.
19. Рассамкин Ю.А. Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочная // *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. – Киев, 1988. – С. 14-25.
20. Рассамкин Ю.А. О соотношении степных и новосвободненских памятников // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. – Л. 1991. – С. 52-55.
21. Резепкин А.Д. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. – Л., 1991. – С. 20-22.
22. Резепкин А.Д. К проблеме соотношения хронологии эпохи энеолита-ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // *Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н. э. К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена*. – СПб., 1996. – С. 50.
23. Резепкин А.Д. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенова Поляна // *Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина*. – СПб., 2000. – С. 223-235.
24. Роман П. Культура Чернавда в европейском контексте // *Индоевропейская история в свете новых исследований*. – М., 2010. – С. 93-98.
25. Рунич А.П. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // *Советская археология*. – М., 1967. – № 1.
26. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький, 1989. – 389 с.
27. Сафронов В.А. Новые пути решения майкопской проблемы // *Советская археология*. – М., 1990. – № 1. – С. 137-144.
28. Свешников И.К. Культура шаровидных амфор // *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Энеолит, бронза, раннее железо*. – Киев, 1990. – С. 43-49.
29. Свешников И.К. Культура шнуровой керамики // *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Энеолит, бронза, раннее железо*. – Киев, 1990. – С. 49-57.
30. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // *Советская археология*. – М., 1981. – № 4. – С. 8-19.
31. Телегин Д.Я. Середньо-Стогівська культура епохи міді. – Киев, 1973. – 173 с.
32. Телегин Д.Я. К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы // *Российская археология*. – М., 2000. – № 1. – С. 18-29.
33. Телегин Д.Я. К вопросу о скелянской, квитянской, стоговской и других культурах медного века Азово-Черноморского региона Украины // *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына*. – Саратов, 2000. – С. 28-31.
34. Тодорова Х. Энеолит Болгарии. – София, 1979. – 104 с.
35. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // *Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе. Тезисы*. – М., 2002. – Ч. 1. – С. 71-82.
36. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // *Между Азией и Европой IV-I тыс.* – СПб., 1996. – С. 43-49.
37. Трифонов В.А. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры. // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. – Л., 1991. – С. 25-29.
38. Формозов А.А. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // *Российская археология*. – М., 1994. – № 4. – С. 44-53.
39. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тыс.). – М., 2007. – 398 с.
40. *Археология СССР в 20-ти томах: Энеолит СССР* – М., 1982. – 359 с.
41. Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. – Кишинев, 1985.
42. Mallory J.P. *In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth*. London. – 289 p.
43. Николаева Н.А. Отчет «Исследование курганов в зоне строительства рисовой Калмыцко-Астраханской оросительной системы (КАРОС) на землях совхоза Джангр Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 году». Архив ИА РАН, дело Р-1 10970.